

Не успел он толком перевести дух, как его снова позвал лавочник.

Должность начальника уезда Синьфэн для столичной знати была сущим пустяком, однако для выходцев из бедных семей, получивших звание цзиньши, но еще не имевших назначения, она казалась лакомым куском. Узнав, что это место досталось Чжэн Шаньцы, многие преисполнились негодования.

Однако в ушах всё еще звенело предупреждение, брошенное им в адрес Фан Цзюэ. Они понимали: начни они сейчас скандал, выгоды не получат никакой, а вот навлечь на себя гнев самого Чжэна или высокопоставленных чиновников из Министерства чинов — проще простого.

— Мы люди маленькие, веса не имеем, — сокрушался Фан Цзюэ. — Против них нам не выстоять.

Остальные ученые из бедняков лишь согласно кивали с мрачными лицами. В их глазах Чжэн Шаньцы был вором, захватившим чужую должность нечестным путем. Они повсюду видели лишь круговую поруку и коррупцию, сокрушаясь о том, что истинным талантам в этом мире хода нет.

Обида пустила корни в их душах, и теперь на каждом литературном собрании они не упускали случая язвительно отозваться о Шаньцы, распуская о нем грязные слухи.

Чэнь У, узнав о назначении друга, терзался запоздалым раскаянием. Ведь они вместе посещали дом советника Пэя, но удача почему-то улыбнулась лишь Чжэн Шаньцы. Если бы не это, сейчас и он мог бы с легкостью занять пост какого-нибудь начальника уезда.

Сам же Шаньцы и не подозревал, что бывшие сокурсники брызжут желчью, обсуждая его персону. Он всё прикидывал в уме траты Юй Ланьи и с горечью вздыхал.

«Даже если бы у меня было десять таких же "я", я бы не смог прокормить этого красавца».

Покинув «Павильон Золотых Одежд», он направился не сразу домой, а забрел на рынок, чтобы купить капусты и тофу. На ужин он решил приготовить простой суп.

— Дайте мне фунт капусты и кусок тофу.

— Будет сделано, господин, — отозвалась торговка, протягивая товар.

Поколебавшись, Шаньцы заглянул в мясную лавку. Свежее мясо уже почти всё распродали, и ему досталась лишь порция свиных ребрышек.

Вернувшись в свою каморку, он первым делом промыл рис и поставил его вариться. Затем вымыл овощи, замариновал ребра и подготовил специи. Лишь после этого он принялся перебирать свои пожитки.

Вещей у него было — кот наплакал. Всего три смены одежды. Две — из приличной ткани, которые он берег для выходов в свет, а третья — старая, застиранная до белизны. На их фоне роскошный свадебный наряд смотрелся совершенно инородно.

В кухонном углу стоял небольшой горшочек с сушеной редькой — Шаньцы любил ее за пряный вкус, она отлично помогала проглотить даже самый пресный рис. Из-за долгого пути семья Чжэн не смогла передать ему много припасов.

Письмо, которое он отправил родным, дойдет до них лишь после того, как они с Юй Ланьши поженятся. К тому времени он уже наверняка будет на пути в уезд Синьфэн.

Погруженный в невеселые думы, Шаньцы переоделся в старое платье. Оригинальный роман скупко описывал его семью, но он помнил, что родные всегда боготворили его. Старший брат, Чжэн Шаньчэн, рано женился и взял на себя все заботы о доме. В страдную пору он не разгибал спины в поле, а чтобы заработать лишнюю монету, нанимался батраком к соседям. В свободное от пахоты время он уходил в город на любые заработки.

Как-то раз Шаньчэн таскал мешки с песком на пристани и упал в обморок от солнечного удара, за что надсмотрщик еще и перетянул его плетью. Когда отец привез его домой, парень был едва жив от истощения.

Однако прежний Чжэн Шаньцы лишь презирал родных, считая себя ученым мужем, который не должен иметь ничего общего с этими «лапотниками». Работа брата на пристани казалась ему постыдным пятном на его собственной репутации.

Не успев толком оправиться, Шаньчэн нанялся слугой в богатый дом в городке. Он не подписывал кабального контракта, и условия были сносными. Хотя они и были простыми крестьянами, но понимали: продать родную кровь в услужение — значит обречь человека на произвол хозяев и вечное унижение. Подписанный контракт означал бы попадание в рабское сословие.

Ему не пришлось бы идти в этот дом, если бы не нужда собрать денег для младшего брата. В клане было принято помогать друг другу, но только после того, как Чжэн Шаньцы сдаст экзамены и добьется чина; пока же он только пробивал себе путь, вся тяжесть легла на плечи семьи.

Старший брат исправно приносил заработанное домой, но через несколько месяцев его обвинили в краже. Хозяйева «милостиво» не стали доводить дело до суда, лишь перебили парню ноги в наказание. Так Шаньчэн стал калекой.

Приготовив капусту с тофу и пожарив ребра, Шаньцы сел за стол.

Прежний владелец тела и тогда не нашел для брата доброго слова, считая, что тот опозорил его. Тем более что Шаньчэн после своего увечья привел в дом супруга — того самого гэ'эра Линя, который раньше тоже был слугой.

Это окончательно взбесило прежнего Чжэн Шаньцы. Мало того что брат — калека, так еще и невестка — из бывших рабов! Он считал, что его достоинство втоптали в грязь. На свадьбу брата он не явился, в гневе перебив посуду, а к самому гэ'эру Линю с тех пор относился с ледяным безразличием.

Отец и папа Чжэна отдали младшему сыну всё, что имели, но больше всех пожертвовал именно Шаньчэн. И всё же старший брат до конца дней не смел поднять глаз на младшего, встречая лишь холодное презрение и ядовитые упреки.

То, что на свадьбе с Юй Ланьи не будет родных, для прежнего Чжэн Шаньцы было величайшим благом.

Шаньцы понимал: его предшественник был законченным эгоистом и неблагодарной тварью. В оригинальном сюжете, когда их с Юй Ланьи застигли в двусмысленной ситуации, тот поспешил во всё признаться, намеренно подчеркивая, что Ланьи уже лишился «чистоты».

А потом он хвастался своим «завоеванием» перед Чэнь У и другими повесами, продолжая на людях строить из себя благородного мужа.

Чжэн Шаньцы вымыл посуду, стараясь выкинуть эти мысли из головы.

Деревня Цинсян

В домах зажигались свечи. На окраине несколько раз залилась лаем собака, прежде чем на крепких лапах умчаться к своему порогу. Тонкие струйки дыма из печных труб уходили прямо в темнеющее небо. Слышался звонкий детский смех и шипение масла на сковородах.

Отец Чжэна наполнил чарку дешевым вином.

Фулан Чжэн хлопотал на кухне, а гэ'эр Линь помогал ему готовить ужин — сегодня решили напечь лепешек. На ярмарке купили немного свинины, и теперь папа Чжэна мелко рубил мясо на начинку, приминая тесто. Гэ'эр Линь подкладывал дрова в зев печи и нажимал на мехи, раздувая пламя.

— Папа, давайте я сам.

Линь был парнем работающим, и фулан Чжэн относился к нему как к родному сыну.

— Как вкусно пахнет! — Чжэн Шаньчэн вернулся с охапкой травы для свиней. Его лицо, мужественное и открытое, светилось усталой улыбкой. Следом за ним в дом зашел самый младший — Чжэн Циньинь. Этот маленький гэ'эр с розовыми щеками и влажным блеском в глазах робко потянул брата за рукав. — Старший брат, я пойду покормлю свиней.

— Иди, маленький.

Циньинь рос тихим и застенчивым, обещая превратиться в настоящего красавца. И лишь благодаря тому, что оба его брата были статными и крепкими — особенно старший, который в свое время переучил всех деревенских парней, заглядывавшихся на Циньиня с дурными помыслами, — его никто не смел обидеть.

Циньинь во всём полагался на Чжэн Шаньчэна, а второго брата, Шаньцы, порой побаивался.

За ужином фулан Чжэн, вспомнив о сыне в столице, невольно вздохнул:

— Как там наш Шаньцы в этом Шэнцзине?

Отец Чжэна нахмурился, скрывая тревогу.

— Вот закончим с делами, сходим в город, найдем еще какую работу. Шаньцы там совсем один, помочь ему не можем, так хоть денег побольше пошлем.

Шаньчэн согласно кивнул. Он безмерно гордился своими братьями, но мысль о том, что второму брату в столице приходится несладко, больно отзывалась в его сердце.

Он молча жевал лепешку, прикидывая, где бы еще раздобыть серебра.

Стоило заговорить о Шаньцы, как атмосфера в доме становилась тяжелой.

Ночью, когда в доме всё затихло, Шаньчэн и гэ'эр Линь лежали в постели.

— Муж, — негромко начал Линь, — мы все сбережения отдаем второму брату. А если в доме что случится?

Линю казалось, что семья слишком уж опекает Шаньцы. Раньше он по привычке лишь безмолвно повиновался, но теперь, прожив в семье Чжэна долгое время, он видел: в их руках

не остается ни гроша. Чжэн Шаньцы теперь цзиньши, он наверняка не будет нуждаться в деньгах, а они всё шлют и шлют последнее. Притом что сам Шаньцы их на дух не выносит. Зачем навязываться?

— Мы одна семья. Если второму брату будет хорошо, то и нам станет легче, — Шаньчэн обнял Линя, согревая его своим дыханием. — Не забывай, он всё же называет тебя невесткой. Теперь, когда он стал цзиньши, никто в деревне не смеет смотреть на нас свысока, да и клан во всём помогает Шаньцы. Вот увидишь, когда он станет большим чином, и нам перепадет толика его удачи.

Линь лишь что-то неопределенно промычал в ответ.

— Спи, завтра снова много работы, — сонно пробормотал Шаньчэн.

Линь смотрел в потолок, а затем осторожно положил руку на поврежденную ногу мужа. Каждый раз, когда он вспоминал, как тот получил это увечье, сердце сжималось от боли, а в глазах закипали слезы.

Чжэн Шаньцы приснился кошмар. Ему виделось, как после свадьбы Юй Ланьи избивает его до полусмерти. Он проснулся в холодном поту, глянул в окно — там еще царила непроглядная тьма.

Он снова лег, но сон не шел. Мысли путались, тревога не отпускала.

Едва забрезжил рассвет, Шаньцы вышел из дома. Ему хотелось просто побродить по улицам, прежде чем идти в «Павильон Золотых Одежд». Appetit у него, как у мужчины, был отменный, так что по пути он купил у лоточника два горячих баоцзы.

Он откусил кусок, и его щеки смешно раздулись.

Мимо проносились паланкины, проезжали повозки — чиновники спешили в императорский город к утреннему приему. Весь Шэнцзин постепенно пробуждался. Шаньцы брел по обочине, неспешно жуя свой завтрак.

Е Юньчу, приоткрыв занавеску кареты, на миг заметил его, но тут же равнодушно отвернулся. Этот человек его совершенно не интересовал.

— Чжэн Шаньцы? Ты что здесь забыл? — Юй Чансин, сидевший верхом на коне, заметил молодого человека, который пристроился у дороги, точно прикорнувший в тени гриба.

Гриб в замешательстве поднял голову.

<http://bllate.org/book/15809/1423480>